

НАДГРОБИЕ С РЕЛЬЕФОМ СЮЖЕТА “ЗАГРОБНОЙ ТРАПЕЗЫ” И НАДПИСЬЮ ИЗ РАСКОПОК ОЛЬВИИ

В 2003 году, при раскопках в южной части Верхнего города Ольвии (раскоп Л-1, расположенный севернее раскопов Р-25 и Л, т. е. цитадели Римского времени) был обнаружен фрагмент мраморной плитки с рельефом и надписью в две строки, расположенной под ним.¹ Памятник найден в слое плотной трамбовки сырцово-структуры светло-серого цвета с включениями серовато-зеленоватой лиманной глины, песка, мелких бутовых камней. Глубина менее полуметра (от 0.30 до 0.38 м) от уровня современной поверхности. Материал слоя мешаный, от V в. до н. э. до II–III вв. н. э.

Плитка изготовлена из белого мрамора, возможно, пентелийского, со следами пребывания в огне. Размеры фрагмента: высота – 0.18 м, ширина в нижней части – 0.15 м, ширина в верхней части – 0.12 м, толщина – 0.02 м. Размеры эпиграфического поля 0.15 × 0.022 м, размеры отдельных букв от 0.004 × 0.004 м до 0.007 × 0.009 м.

Нижняя граница фрагмента сохранилась полностью, слева, сверху и справа имеются утраты. При этом слева утрачена, по-видимому, лишь незначительная часть, сверху утрачено около трети рельефа, справа – чуть меньше половины (это относится к рельефу, надпись сохранилась примерно на две трети).

Рельеф представляет собой сцену “загробной трапезы”, широко представленную в античном искусстве на протяжении длительного периода – с VI в. до н. э. до III в. н. э.² Сюжет этот использовался в памятниках как votivного, так и погребального характера. В дан-

¹ Инв. № О-2003/Л-1/82. Выражаю признательность начальнику Ольвийской экспедиции ИА НАНУ В. В. Крапивиною за разрешение опубликовать этот памятник и за предоставленные сведения об обстоятельствах находки.

² П. Д. Диатроптов. Фрагмент стелы с изображением “загробной трапезы” с городища Беляус // *Hyperboreus* 1 (1994): 1, 168–172 (с литературой); П. Д. Диатроптов, *Культ героев в античном Северном Причерноморье* (М. 2001) 14, 21, 26, 27, 37, 38, 39, 49, 50, 59, 60–63, 68–70, 72, 73, 75, 76, 82–85, 87, 93 (с литературой). Публикации по данной теме продолжают появляться, естественно, и сейчас. См., напр.: А. Avramidou. Attic vases in Etruria: Another View on the Divine Banquet Cup by the Codrus Painter // *AJA* 110 (2006): 4, 565–579.

ном случае мы имеем дело с надгробием, что следует из характера надписи (см. Рис. 1). На рельефе изображено ложе (сохранилась его левая ножка), на котором возлежит мужчина, а в его ногах сидит женщина, оба повернуты вправо. Ноги женщины опираются на скамеечку. Справа от скамеечки лежит собака, свернувшаяся клубком. Перед ложем стоит прямоугольный стол, сохранившаяся левая ножка которого трактована как пилястр с каннелюрами, внизу, по-видимому, была изображена львиная лапа (эта часть рельефа плохо сохранилась, но на обычную базу пилястра это совсем не похоже, некоторое же сходство с лапой усмотреть можно). На торце столешницы, в середине, изображены два орлиноголовых грифона, лежащих друг против друга с вытянутыми лапами и поднятыми крыльями в геральдической композиции. Левый грифон сохранился полностью, от правого осталась передняя часть туловища, примерно одна треть. Слева от левого грифона изображена еще одна геральдическая пара орлиноголовых грифонов – сидящих. Надо полагать, что такая же пара была и в несохранившейся правой части столешницы, в целом же ее украшали три геральдических пары грифонов, две – сидящих, одна, центральная – лежащих. На поверхности стола лежат, по-видимому, плоды или печенья. В несохранившейся части стола могли находиться, судя по многочисленным аналогиям, сосуды для питья.

Публикуемый рельеф иконографически особенно близок тем образцам данного сюжета, которые изготавливались в Аттике в IV в. до н. э.³ Подножная скамеечка, представленная здесь, позволяет уточнить датировку, так как аналогии указывают на рубеж IV–III вв. до н. э.⁴

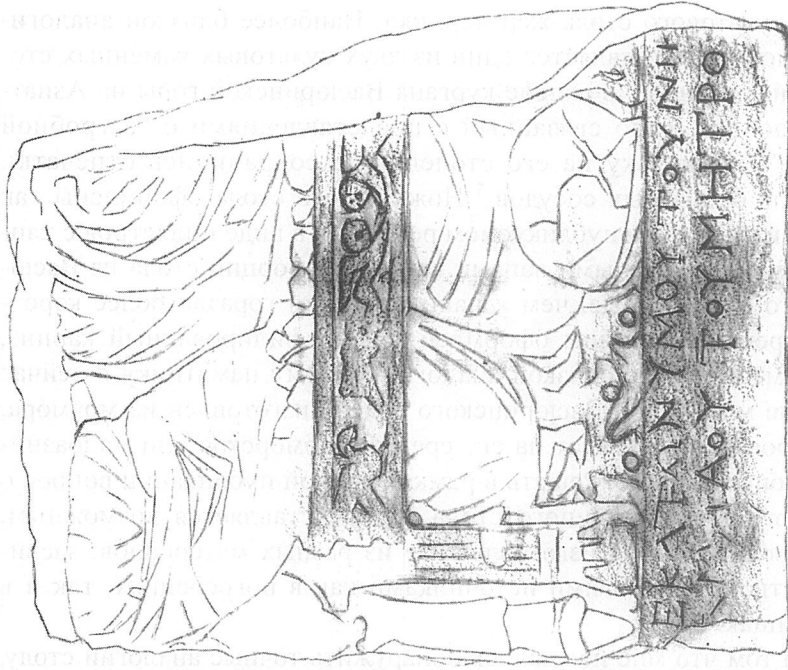
Самой необычной деталью изучаемой композиции является стол. Как правило, на рельефах сюжета “загробной трапезы” показаны обычные столы, на образцах до 1-й половины III в. до н. э. прямоугольные четырехногие, на более поздних – круглые трехногие. Нигде в доступной мне литературе не удалось встретить изображения стола, торец столешницы которого был бы декорирован подобно нашему. Этот стол производит впечатление не обычного предмета мебели (хотя бы и включенного в культовый контекст), а

³ J. M. Dentzer. Un nouveau relief du Piree et le type du banquet Attique au V-e siecle avant J.-C. // *BCH* 94 (1970) 86–88; R. N. Thonges-Stringaris. Die griechische Totenmahl // *MDAI Ath.* 80 (1965) 72–77, NN 21–32, 36–61.

⁴ Thonges-Stringaris (прим. 3) 86, N 127, Beil. 12, 2.

a

b

Рис. 1. Надгробие с рельефом и надписью из Ольвии: *a* – фотография; *b* – прорисовка

скорее культового стола-жертвенника. Наиболее близкой аналогией, на мой взгляд, является один из двух культовых каменных столов, обнаруженных в склепе кургана Васюринской горы на Азиатском Боспоре, явно связанный с представлениями о “загробной трапезе”, поскольку на его столешнице сохранились отпечатки поддонов бронзовых сосудов.⁵ Ножки этого стола оформлены так же, как и у стола на публикуемом рельефе – в виде пилястров с каннелюрами и с львиными лапами внизу. Пропорции стола из Васюринского склепа иные, чем у нашего: ножки гораздо более короткие. Торец столешницы оформлен как профилированный карниз, тем не менее более близкой аналогии нашему памятнику я сейчас найти не могу. Стол Васюринского склепа изготовлен из мрамора, что, вероятно, указывает на его средиземноморское или малоазиатское происхождение. Решать в рамках данной публикации вопрос о происхождении указанного стола не представляется возможным. Столы-жертвенники, изготовленные из разных материалов, засвидетельствованы многими источниками как в погребениях, так и в святилищах.⁶

При том что мне не удалось обнаружить точные аналогии столу, орнаментированному фигурами грифонов, следует заметить, что образ грифона получил очень широкое распространение в античном искусстве: в архитектурной орнаментике, торевтике, нумизматике, вазописи и др., причем часто грифоны представлены, как и в нашем случае, в виде геральдических пар.⁷ Грифон мог восприниматься в

⁵ М. И. Ростовцев. *Античная декоративная живопись на юге России* (СПб. 1913) 37, табл. XVI, 1, 2. Мраморный стол с такими же ножками, относящийся к первым векам н. э., обнаружен в Сардах: В. Burrell. *False Fronts: Separating the Aedicular Facade from the Imperial Cult in Roman Asia Minor* // *AJA* 110 (2006): 3, 446, 447, fig. 8. Надо полагать, что такое оформление ножек культовых столов было широко распространено в течение долгого времени.

⁶ Kruse. *Mensa. III. Der Tisch im Kultus* // *RE* XV (1931) 946–948; С. G. Yavis. *Greek Altars* (Saint Louis 1949) 75–77, 224–226; Н. П. Сорокина, О. Н. Усачева. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // *Археологический сборник. Погребальный обряд*, Труды ГИМ, вып. 93 (М. 1997) 50, 60, табл. 3, 4; А. С. Русяева. Строительные остатки алтарей (гл. IV) // *Древнейший теменос Ольвии Понтийской* (Симферополь 2006) 61.

⁷ K. Ziegler. *Gryps. II. In der Kunst* // *RE* 7 (1912) 1924; М. Yu. Treister. *On a Vessel with Figured Friezes From a Private Collection, on Burials in Kosica and Once More on the “Ampsalakos School”* // *Ancient Civilisations from Scythia to Siberia* 11, N 3–4 (Leiden 2005) 201, fig. 1, p. 203, fig. 3, 213, fig. 6.

качестве апотропея, что объясняет присутствие его изображений на разного рода погребальных памятниках.⁸ Вероятно, этим же объясняется и наличие этого мотива на нашем рельефе. Дополнительно, возможно, следует принять во внимание связь грифонов в греческой мифологии с Северным Причерноморьем, если предположить, что рельеф был выполнен в Афинах по заказу жителя Ольвии.

Своеобразно на этом рельефе изображение собаки. Это животное часто присутствует в сцене “загробной трапезы” в т. ч. на рельефах V–II вв. до н. э., однако изображено обычно либо стоящим, либо лежащим с вытянутыми лапами и поднятой головой,⁹ но не в свернувшейся позе, как здесь.

Надпись под рельефом состоит из двух строк, между нижней строкой и нижней границей плитки имеется свободное пространство (0.01 м), что указывает на отсутствие других строк. По характеру шрифта (особенно начертание букв К, Ν, Ο, Ω), по наличию апексов на гастах букв, надпись, вероятно, следует датировать ранним III в. до н. э., то есть немного более поздним временем, чем рельеф.

В первой строке читаем: Ἐκατεώνυμου (Т и Е даны в лигатуре) τοῦ Νικ[. . . .

Ἐκατεώνυμος (Ἐκατόνυμος) – хорошо известное ионийское имя, уже засвидетельствованное в Ольвии и на Боспоре.¹⁰ Νικ- может быть началом нескольких имен, наиболее распространенным из которых в Ольвии было Νικήρατος (Νεικήρατος).¹¹

Во второй строке также читается имя в родительном падеже с патронимиком. От имени сохранилось окончание -αου, перед которым виден конец наклонной гасты, вероятно от буквы λ, что позволяет видеть здесь одно из многочисленных имен с окончанием на -λαος. Поскольку в начале имени видна верхняя горизонтальная гаста, возможно от Ε, а в середине довольно четко читается Μ, можно предполагать, что это имя Ἐρμόλαος. Ни в Ольвии, ни в Северном Причерноморье вообще мне этого имени обнаружить не удалось. Однако в античном мире в целом это имя встречалось повсе-

⁸ Ziegler (прим. 7) 1924–1929; Ростовцев (прим. 5) 289, 291; Н. И. Соколовский. *Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья* (М. 1971) 232, табл. XXXV, 5, 8.

⁹ Thonges-Stringaris (прим. 3) S. 71–91, NN 13, 34, 65, 140, 152, Beil. 5, 7, 2, 22, 1, 27, 1, 28, 2.

¹⁰ IOSPE I(2), 201; КБН 993; L. Zgusta. *Die Personennamen griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerküste* (Praha 1955) 376.

¹¹ IOSPE I(2), 34, 39, 84, 134, 139, 169, 183, 191, 201, 227.

местно, хотя и не относилось к числу наиболее распространенных.¹² Если мое предположение верно, ольвийский ономастикон пополняется еще одним именем. От патронимика сохранилось начало Μητρ-. Среди ряда имен с таким началом наиболее распространенным в Ольвии было имя Μητρόδωρος.¹³

Таким образом, надпись в целом можно предположительно реконструировать следующим образом:

Ἐκατεωνύμου τοῦ Νικ[ηράτου. (?)]

Ἐ[ρ]μ[ο]λάου (?) τοῦ Μητρο[δώρου. (?)]

Гекатеонима, сына Никерата.

Гермолая, сына Метродора.

Надписи классического и раннеэллинистического времени, в которых имеются только имена в родительном падеже (с патронимиками или без таковых), трактуются обычно как надгробные.¹⁴ В нашем случае этому не противоречит и рельеф.

Как были связаны между собой эти двое людей, неясно. Вероятно, в конце IV в. до н. э. в Афинах был заказан рельеф, а затем, в первой половине III в. до н. э., в Ольвии была выполнена надгробная надпись. Учитывая некоторое различие написания букв в первой и второй строках (Α, Μ; Ο, Τ по-разному пишутся и в пределах одной строки), можно предполагать, что имена погребенных были написаны с некоторым временным интервалом и разными резчиками.

П. Д. Диатроптов

Государственный Исторический Музей, Москва

The author publishes a gravestone from Olbia with an inscription and a relief depicting a funeral banquet. In all probability the relief is a late fourth-century Athenian work, while the inscription was added in Olbia in the earlier half of the third century BC.

¹² Встречается не в каждом выпуске *SEG*, но в надписях из разных областей.

¹³ *IOSPE* I(2), 20, 76, 201; *HO*, 87.

¹⁴ *IOSPE* I(2), 208, 211, 213; *КБН* 204, комментарий.